

18+

РАССКАЗЫ
ЭССЕ
СТИХИ

Галина

Сарфанова-Тирус

Сафонова-Пирус Галина

Рассказы, эссе, стихи

«Издательские решения»

Галина С.

Рассказы, эссе, стихи / С. Галина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560977-9

Свидания с друзьями, случайные встречи, воспоминания... Всё это сохраняется в душе, осмысливается с годами по-новому и, приобретая иные оттенки, краски, слагается в рассказы, эссе и даже стихи.

ISBN 978-5-00-560977-9

© Галина С.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
БЕЗ СКАЗОК	6
БОБРИКИ ИЗ БОБРИНО	10
БУНТ	16
В ЛУЧЕ СВЕТА	19
ДВОЕ В КУПЕ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рассказы, эссе, стихи

Сафонова-Пирус Галина

© Сафонова-Пирус Галина, 2022

ISBN 978-5-0056-0977-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза 58

Стихи 44

102

Рассказы

БЕЗ СКАЗОК

«Не хочу, не хочу, не хочу...» выстукивали колёса поезда, а Димка лежал на верхней полке вагона, смотрел, как заходящее солнце укрывало напалзающими тенями мелькающие за окном перелески, пригорки и всё еще спорил с Сашкой, с которым расстался совсем недавно: «Да пойми ты, не хочу я так... А вот так, чтобы сразу распахивались... Ну, пусть для тебя это „кайф“, а я... а по мне эта их доступность гасит моё чувство к ним... Да, гасит. И потому, что мужчина всегда был охотником, ему зачастую не так дорога была добыча, как сама охота, когда он воображал свою цель, выслеживал её... Ну, тебе „эта самая охота“ до фени, а мне... Мне она, как солнце, которое всё освещает, а когда скрывается за тучу или садится...» Димка закрыл глаза и в темноте еще отчётливей колёса застучали: «Я без сказок любви не хочу¹... я без сказок любви, я без сказок... я без сказок любви не хочу!»

Неделю тому назад на Сашкиной машине добирался он до своей родной деревеньки и так здорово ему ехалось! Асфальт протянули почти до неё, только три километра по грунтовке оставалось, и вот свернул он на неё, а по сторонам сосны, берёзы, недавно дождик прошёл и такие ароматы в окно врывались! Но лесочек поредел, и машина вынырнула на поле, а там – жёлтое поле ржи, из неё голубые глаза васильков подмигивают. Красотища!.. А когда до деревни оставалось с километр, увидел: впереди девушка идёт, стройненькая такая, волосы светлые – до пояса, ветерок их развеивает и юбка на ней хоть и длинная, но узкая, деревенские таких не носят. Поравнялся с ней, приостановил машину:

– Девушка, вы случайно не заблудились? Может, подвезти?

Оглянулась. Ахнул: ух какая красавица! А она бросила на него быстрый взгляд, улыбнулась задорно:

– Ага, подвези-ка... А то жарыща! Устала...

И, прежде чем сесть в машину, дернула за бантик на поясе, юбка распахнулась, оказалась в её руке и оголились её ножки под короткими шортиками. Тут же грациозно скользнула на сиденье рядом с ним, бросила букетик на колени, и Димка снова ахнул: коленочки у неё!.. Она заметила этот его взгляд, но не прикрыла их юбкой, а бросила её на заднее сиденье, отчего он...

«Да понимаешь, Сань, на её месте скромная девчонка прикрыла бы их юбкой, а она и букетик туда же кинула, за юбкой... Нет, Сань, не подумал я тогда о ней так... вечно ты огрубляешь. Ведь в тот день мне всё казалось таким гармоничным, красивым... Да брось ты, не всегда во мне такое. И безобразное вижу, и нелепости всякие-разные, но тогда... Ну, может, подсознательно что-то и насторожило, но тогда не хотел замечать ничего такого, чтобы... вот и её увидел Еленой прекрасной*, и даже про себя назвал так. Знаешь, когда-то в юности прочитал стихотворение, которое запомнил на всю жизнь, и начиналось оно... как сейчас колёса выстукивают: „Я без сказок любви не хочу!..“. И оно осталось во мне на всю жизнь... Моя жизнь еще впереди? Не скажи, как-никак уже двадцать семь.»

¹ Стихотворение Евгения Евтушенко и его первого сборника «Обещание», вышедшего в начале 60-х годов.

Ехали они, молчали, он посматривал на неё в зеркальце, она – в боковое окно с опущенным стеклом, и вдруг ему подумалось: ехать бы с ней вот так... долго-долго, ведь если заговорит, еще неизвестно что скажет... всё его очарование может растаять. Но вдруг услышал:

– Притормози. Мне еще васильков надо...

Остановил машину, но она не вышла и на него так это вопросительно с улыбочкой смотрит. В чём дело?.. Но тоже улыбнулся, вышел, обошел машину, через окно открыл дверцу:

– Прошу, принцесса...

И жестом пригласил выйти. А она взглянула на него, помедлила, но всё же спорхнула с сиденья, взяла его за руку и потянула за собой в рожь. Прошли сколько-то, остановилась. И вдруг положила она ручки ему на плечи:

– Тебя как зовут?

– Димка.

– А меня Ленка.

Он обалдел. Значит, не зря назвал её Леной!.. Еленой прекрасной! Значит, еще один подарок в такой день? Но ничего не сказал, а стоял, смотрел в её прекрасные голубые глаза и ждал: что еще скажет? А она вдруг взяла и поцеловала его в губы! А потом стала медленно, не отрывая от него рук и словно поглаживая, опускаться на колени, а присев, откинулась на руку, а другой пальцем указала место рядом...

«Сань, ну почему ты думаешь, что она еще в машине хотела, чтобы я с ней... и что дурак, раз не понял? Слушай, если и дальше так будешь, то я к тебе больше никогда не приеду... А что я тогда... Присел с ней рядом, поцеловал ей руку и говорю: „Ленка, Леночка, Ленок, ты так прекрасна, что я боюсь к тебе прикоснуться, а поэтому...“ И тут она подхватила, взглянула на меня обиженно, шагнула в рожь, сорвала первый попавшийся василёк, смяла его, отбросила и пошла к машине... Ну, хочешь верь, хочешь не верь, но потом почти молча ехали мы до деревни, только и успел от неё узнать, что она тоже на два дня к тётке приехала и завтра уезжает... Да, представь себе, рад был, что молчит... и даже боялся, что заговорит... ага, мне хватало и того, что она, такая красивая, сидит рядом...»

Димка подвёз её к указанному дому, она вышла, махнула рукой и скрылась за высокой калиткой. «Вот и закончился мой прекрасный день, – подумал он. – А, впрочем, продлится, еще продлится с моей любимой бабулей. Давно не виделись».

И была радость встречи с родным сердцу человеком. И были бабкины вкуснейшие блины со смальцем, сметаной, яблочным вареньем, о которых он так мечтал в своём суматошном городе с холостяцкой едой из бутербродов, надоевших сосисок, неизменной яичницы. А засыпая под пёстрым клочковым одеялом, состёганным руками бабки и так ласково окутавшим тело, он заново пролистал день, подаривший ему столько радостных минут, а когда уснул, приснилась ему Ленка... Елена Прекрасная²: она стояла на пригорке, окутанная розовым то ли покрывалом, то ли облаком и звала его к себе, взмахивая руками... или хотела взлететь?.. и он хотел бежать к ней, но какая-то неведомая сила удерживала его, да так, что не мог оторвать от земли ног.

«Скажи, ну почему мне так не везёт с девушками?.. Да ничего мне от них не надо, о чём – ты... я просто хочу любить их, а не получается... Ну да, может и так, может, не того от них жду... ага, они уже другими стали, а я... Ты прав, я – заскорузлый ретромен... с этими стихами: «Ничего в том не вижу хорошего, что за счастье свое не плачу, красота достается так дешево!»... За счастье и не надо платить? Но ведь правда в этом стихотворении, правда!

² Елена Прекрасная – В древнегреческой мифологии прекраснейшая из женщин, считается эталоном красоты.

То, что бесплатно получаешь, не станет дорогим, не обидно будет и потерять... Не помнишь с собой такого? А я помню. Когда мне еще только семнадцать было, влюбился в одну красавицу, старше меня была на четыре года. И любил её издали, боялся приближаться к ней, только выслеживал и издали любовался, а потом... А вот что потом. Однажды получилось так, что на какой-то праздник... не помню уже на какой, попали мы с ней в одну компанию, а она сама приблизилась... да так, что не отпускала от себя весь вечер. Я, конечно, балдел, а к концу увела меня в сад и стала вначале обнимать, целовать, а потом... Ну, почти, как Ленка. И ты знаешь, сразу всё моё очарование улетело, испарилось, сразу показалась она мне какой-то... какой-то материальной что ли и грубой... «Думал, море и горе пройду, чтоб коснуться руки твоей с трепетом, ты ж, себе, да и мне на беду, оказалась прирученным стрепетом»... А что потом. Да ничего. Впрочем, может, с тех самых пор я и стал тем самым ретроменом, о котором ты...»

Димка проснулся. На стене пёстрые цветы обоев уже ласкало солнце, окно было открыто, слышался писк проголодавшихся ласточкиных птенцов и в окно, размытая тюлем, заглядывала берёзка. «Увижу ли Ленку снова? – подумал сразу: – Жаль будет, если...»

И она пришла. И была еще красивее в длинном пестром платье с белыми фонариками на плечах. Разлюбезно поздоровалась с бабушкой, полюбовалась цветами её клумбы, а потом попросила Димку вечером отвезти её в город, – «Надеюсь, не откажешь? Каких-то 15 километров... А то подруга уехала на неделю и попросила меня побыть с её собакой.» И он не отказал, а когда они приехали, вошли в ту квартиру, то ласково ему улыбнулась: «Оставайся. Посидим, поболтаем... Завтра домой уезжаешь? Вот и хорошо, здесь переночуешь, зачем тебе возвращаться в деревню?» И, не ожидая ответа, вынула из сумки бутылку вина: «Выпьем... за нашу встречу?» Ну, как было отказаться?.. И был вечер с Еленой прекрасной, на которую Димке так отрадно было смотреть, которую так хотелось слушать! А ближе к двенадцати... Она ушла в ванну, через какое-то время вышла оттуда в халатике, подошла к нему, взяла за руку, подвела к дивану и халатик соскользнул с её плеч...

«Знать, могла ты прижиться везде... Знать, могла ты прижиться везде... везде, везде.» – выстукивали колёса, а Димка снова и снова, как киноплёнку, прокручивал те мгновения: вот он через ступеньку сбегает по лестнице подъезда, вот бросается к спасительной машине... мечутся придорожные огни, фары нашупывают грунтовку к дому бабки, а в голове неотступно мечется: «Ненавижу подобные вещи я! Где же сказки, Горынычи где? Где замки на воротах зловещие?»

«Нет, Сашок, нет. Не хочу я вписываться в ваше прогрессивное общество... ага, пусть я – отсталый, пусть – фуди³, дурак и останусь таким... ага, пусть проживу холостяком, но если моя любовь, моя прекрасная Елена превращается в доступную девку... Ну не хочу я такую, не хочу!» И колёса подсказывали: «За тобой далеко-далеко я пошел бы по лезвию месяца... я пошёл бы... пошёл бы...» Но их стук становился всё мягче, отдалённей и ему начало казаться, что они согласно кивают ему в ответ.

Димка проснулся, открыл глаза. В окно вагона настырно светил привокзальный фонарь, слышалось шарканье шагов, негромкие голоса. В купе вошёл мужчина, откинул нижнее сиденье. «Кото-то подселили», – подумал он и отвернулся к стене, но тут же услышал полушёпот: «Ну вот... твой чемодан под тобой... Передай маме, что всё у меня будет хорошо, а сама будь

³ Фуди – человек, питающий особый интерес к еде, напиткам, считающий наслаждение ими более важным, чем простое удовлетворение потребности.

осторожна в этом городе. Пока сестрёнка, пока, Ленок.» Вагон чуть дрогнул, слышались торопливые удаляющиеся шаги. «Еще одна Ленка на моём пути появилась. И какая она?» Повернулся. Она сидела, опершись локотком о стол и, склонив на кулачок голову, смотрела на медленно уплывающие в ночь вокзальные огни, которые на мгновенья выхватывали профиль. «Красивая какая! – удивлённо подумал Димка: – Нет, она не Ленок, она настоящая Елена Прекрасная.» И снова, как совсем недавно ему подумалось: «Ехать бы с ней вот так... долго-долго, ведь если заговорит, еще неизвестно что скажет.» Но колёса, набирая скорость, тут же подсказали: «Я пошёл бы по краешку месяца... – И он, вторя им, беззвучно зашептал: – Пошёл бы... пошёл... пойду».

БОБРИКИ ИЗ БОБРИНО

К автовокзалу подъехала легковая тёмно-синяя машина, – «Мой любимый цвет!» – из неё вышел мужчина, – «Симпатичный... под стать своей машине.», – подошёл к киоску, что-то купил, – «Наверное, сигареты.» – взглянул в сторону нашей стайки, ждущей автобус, постоял, вроде как вглядываясь и пошёл в нашу сторону... – «Да это же...». И тут же услышала:

– Так все же это ты! – Ой, да это же Данила! Сто лет с ним не виделись. – Ну надо же... – Улыбнулся радостно: – А я, подъезжая сюда, вспомнил о тебе и подумал: по-прежнему ли навещает своё родное гнездо или?..

– Без «или», – улыбнулась и я, – как же можно забывать «родное пепелище»⁴?

– Можно, можно. – И его улыбка растаяла: – Многие забывают. – Помолчал, кивнул на моих попугачиков, ожидающих автобус: – Однако народу собралось!.. наверное тебе стоять придётся...

– Придётся, так придётся, у меня же нет машины, как у тебя.

Взглянул:

– Слушай, а поедем-ка со мной. Правда, на полпути мне надо будет свернуть в деревню... – И снова заулыбался: – Но зато потом ты сможешь сесть на один из пригородных автобусов, там они уже часто ходят в твой областной...

«А почему бы и нет?» – спросила у себя и, согласно кивнув головой, шагнула к машине.

Данила одно время работал у нас журналистом после окончания Университета, – по распределению, – но не остался, а уехал «пробиваться» в Москву. И хотя журналист он был неплохой, всё же как-то мало верилось, что ему удастся осуществить задуманное, – был слишком робок, эмоционален, да и не любил подчиняться вышестоящим редакторам, требовавшим штампованных слов, составляющих такие же штампованные фразы. Но видать в Москве в те времена, – начало девяностых, – более умные и свободные редакторы ждали от журналистов чего-то свежего, нового, поэтому и удалось ему вначале «зацепиться» в каком-то журнале, а потом в «Литературной газете», которая была для нас «светом в окне».

– И зачем ты пожаловал в наши края? – спросила после привычных: ну, как ты?.. а как ты?

Усмехнулся:

– А пожаловал, как ты выразилась, для того, чтобы отцу в деревню отвезти всё необходимое. И так жалую... – Снова усмешка: – каждый месяц.

«Вот это да!» – удивилась, но спросила:

– А почему твой отец в деревне? Слухи ходили, – взглянула тоже с усмешкой, – что ты его к себе в Москву забрал.

– Слухи тебя не обманули, – принял мою шутливую усмешку: – Забрать-то забрал, но он потом...

И дальше короткими фразами «набросал» портрет своего отца: родился тот в деревне, куда на лето привозила Даньку его дочь, и дед любил рассказывать внуку о своих предках, о том, как те пахали землю, сажали, убирали урожаи, да и не только рассказывал, но и показывал чудом уцелевшие у соседей, а теперь приютившиеся у него в сарае плуг, борону, да и в хате был целый уголок с разной деревенской утварью, – ухватом, кочергой, прялкой, лаптями, плетениями из липы, бересты. И всё это, дорисованное живым воображением внука, так запало в душу будущего журналиста, что писать кроме как о колхозниках или «сельских тружениках»,

⁴ Александр Пушкин: «Два чувства дивно близки нам, В них обретает сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам.»

как их называли в советские времена, уже не мог, да и теперь пишет о перестраивающейся, приспособляющейся к «рыночным отношениям» деревне.

– Знаешь, при социализме всё было как-то понятно. – Он склоняет голову влево, пытаясь увидеть дорогу из-за задка впереди идущего трейлера, чтобы его обогнать: – Ведь были колхозы, были пятилетки, планы, которыми мерили их успехи, а теперь... – Обогнал машину, переключил скорость. – А теперь... – «А теперь на распутье, как и многие?» Но он усмехнулся: – Теперь мечешься и не знаешь о чём и как писать. – Приподнял над баранкой руку, сжал, разжал пальцы: – То ли восхвалять сельские агрокомплексы, подминающие под себя деревни, то ли защищать мелких фермеров, пытающихся сохранять истинно русское, бережное отношение к земле... земле-кормилице. – «Надо же, и мама так о земле говорила!» – Всё перевернулось. Всё меняется и приходится только, как говорится, констатировать факты, следовать за свершающимся, ни на чём не акцентируя, ничего не предлагая... – Помолчал: – Хотя иной раз и ноет сердце. – Вздохнул коротко: – От бессилия.

– И по какому поводу твоё сердце ноет от бессилия?

– Да при виде покинутых деревень. А их столько!.. Страшные картины. Тебе приходилось в таких быть?

– Нет. Но слышала, видела... по телевизору.

– Ха! По телевизору, – беззлобно усмехнулся. – То совсем другие картины, другое восприятие, а вот когда бродишь по такой...

И замолчал, словно погружаясь в те самые картины. «Отвлечь его от них?.. А, не буду. И даже вот что скажу»:

– Данила, я всегда знала тебя как человека очень эмоционального, так может и теперь воспринимаешь всё это слишком...

– Нет, не слишком, – сказал резко... словно поставил точку: – Если бы ты сама увидела... – И коротко взглянул на меня раз, другой. «Что это он?» – Слушай, а и впрямь... Не взглянуть ли тебе на всё это? Давай прямо сейчас и...

– А что «и»? – немного растерялась.

– А то «и», – весело усмехнулся: – Едем-ка со мной, отец как раз в такой деревне и живёт.

«Ну и ну... Прямо сейчас и ехать?» И он, заметив мою растерянность, заговорил быстро, с почти радостной улыбкой:

– Ну посмотри вокруг! Весна, всё просыпается, зеленеет, собирается цвести, а ты нырнёшь в свой каменный город и не увидишь настоящей весны... – И улыбка его растаяла: – Но напористой, нахальной, которая...

– Почему нахальной? – рассмеялась я.

– Сама увидишь, если поедешь. – И слегка тронул за локоть: – Ну что, едем? Побудешь часок, а потом подкину тебя до трассы, успеешь к ночи в свой серо-каменный.

«А почему бы и нет?» – снова спросила себя и согласно кивнула головой.

Вспоминая наши прошлые совместные поездки на съёмки сюжетов, мы проехали уже километров двадцать, когда справа мелькнула вторая крытая безлюдная автобусная остановка и Данила, свернув с трассы на грунтовую дорогу и, то и дело крутя баранку, объезжая лужи, молча старался не попасть еще и в глубокую колею от недавно проехавшего трактора. «Ему теперь не до разговоров... Да, весна здесь гораздо заметнее каждой веткой, кочкой, подставившей уже зазеленевший бочок греющим лучам солнца. А как распушились берёзы, развесив серёжки навстречу скорым листьям! Как совсем по-иному зеленеют ели, сосны... словно их только что лаком опрыснули. Ой, а вон там целая стайка бобриков!»

– Данила, смотри, подснежники! Можно мне... можно я...

– Но-о... – догадался о моём желании: – они же в Красной книге. – И мягко улыбнулся, словно извиняясь: – Но несколько штук можно... потом, чтоб не завяли. Вокруг нашей деревни их столько!.. Не зря же Бобрино так назвали.

– А сколько нам еще ехать?

– Да недалеко. – Помолчал, взглянул на мелькающие ёлочки: – И знаешь, хотя от трассы всего-то пять километров, но как только в семьдесят четвёртом колхозникам тоже паспорта стали выдавать, так сразу и начали перебираться в города, бросать свои деревни. В Бобрино тридцать два дома было, а теперь...

– И в такой... заброшенной живёт твой отец?

– Ну да... Правда не один, две соседки у него... такие же старые. И раньше жили в своих домах, а теперь сошлись в одном, в том, что крепче.

– И не страшно им... одним?

– А чего бояться? – усмехнулся. – Да если бы и боялись... боялся, – поправился, – всё равно батю оттуда не увезти. Только одну зиму у нас пожил и заскучал, затосковал: «Не могу я оставаться в этих серых клетках. Домой хочу, в деревню. У меня же там хозяйство осталось. Да и мне бы... как только проснулся, так сразу на земельку ступить.» – почти пропел изменившимся голосом: – И это его... во мне, как лейтмотив. Вот и езжу к нему раз в месяц, продукты отвожу и для него, и для... – Пальцем что-то нарисовал пред собой: – Ведь у него коза в сарайчике, а у соседок кур с десятков, так что приходится и для них...

– А освещение, вода, ... Как с водой-то у них? Из колодца?

– Да нет, – усмехнулся, – ведь километрах в десяти от деревни огромный овощной комплекс возведён... который, кстати из неё последних жителей к себе и перетянул, а электролиния к нему через Бобрино проходит. Ну а вода... Я скважину им пробурил, так что воды у них хватает, да еще какой! Всегда с собой увожу

– А хлеб, – не унялась я. – Ведь не привозят же им... для троих?

– Да сами пекут. Привёз им мешок муки, дрожжей сухих, баба Настя и печёт.

– А зимой... зимой как к ним добираться? Ведь сугробы...

– Зимой... – усмехнулся, – у меня другая тактика. Доезжаем с сыном до твоего городка, машину оставляем у знакомых, а сами с рюкзаками – на автобус, потом – на лыжи и-и пошли! Прогулка получается о-отличная!

Взглянула на него: «Значит и сыну эстафету передает. Вот молодец!» Но не сказала.

Машина вынырнула из-под деревьев и перед нами открылось широкое поле, укрытое жухлой, припавшей к земле от недавно растаявшего снега травой, над которой то тут, то там весело выныривали молодые берёзки. «Какие же они тоненькие да радостные!»

– Ну вот, почти и приехали, – распрямылся Данила: – На том конце поля моя деревня. – Помолчал: – А ведь когда-то... – Опустил стекло, вдохнул уже пахнущий весной воздух: – на этом поле рожь сеяли... а в ней васильки подмигивали. – И голос его стал тише: – которые я для Наташки... – Но осёкся, махнул рукой: – А, что там вспоминать...

И решительно нажал одну из кнопок, отчего машина вдруг наполнилась светлой, но грустной музыкой. «Как же созвучна она и рассказанному Данилой, и этому забытому людьми полю!» А впереди, под стайкой почти белых, сбившихся над краем поля облачков, уже серели крыши тех самых покинутых домиков, к которым ехали.

По чуть шелестящей прошлогодней, не тронутой колёсами машин траве, мы въехали в деревню:

– Всё. Приехали. Хорошо, что наш дом почти крайний, а то дальше... – Усмехнулся, пропел: «Там, где кончается асфальт...» И уже мы идём по чуть заметной тропке к старушке, сидящей у следующего дома.

– Баба Настя, здравствуйте! – приветствует её Данила: – Что, вышли на солнышке погреться?

Она какое-то время смотрит на него отчуждённо, словно не признавая, но вдруг губы складываются в подобие улыбки:

– Да вот... – поглаживает белого кота, уютно свернувшегося на коленях, – Греем свои старые косточки, день-то какой сегодня погожий. – И её глаза оживают, всплёскивает руками: – Ба-а-а-а-а-а, а батя-то твой ишшо из лесу не возвратился с подругой моей...

– Ну и ну... – Данила вынул мобильник, стал набирать номер: – Я же ему вчера звонил, что приеду, а он...

– Да знать он, знать, но надумал сморчками тебя угостить, вот и... – Сунула выбившуюся прядь волос под платок: – Да не звони ты ему, не надоть... – кивнула на руки Данилы, – он уже скоро придёт.

Но Данила уже говорит в мобильник: «Здравствуй, здравствуй. И где ты сейчас, далеко убрёл?.. А-а, километрах в трёх... Возле чего?.. Той самой сосны, которую мы с тобой?.. Ну, хорошо, ждите, я сейчас подъеду».

И пока разговаривал, старушка всё поглядывала и поглядывала на меня настороженно. «И почему так смотрит?» Наверное, и Данила это заметил:

– Вот, баба Настя, представляю... Моя давнишняя знакомая, коллега по работе. Привёз её с вами познакомить и с деревней.

– А-а, – И взгляд старушки подобрел: – То-то я смотрю, смотрю... вроде бы не твоя жена... – И почти улыбнулась: – А знакомить... Что ж, с нами-то можно и познакомить, а вот с деревней... – Опустила руку на кота: – Кот с собакой, коза, твой батя да мы с Марьей... вот теперя и вся наша деревня.

– И всё же хочу показать ей... – улыбнулся Данила мне, – хотя бы один из брошенных домов, может, подскажешь в каком двери не забиты?

– Да они во всех хатах не забиты, входи в какую хошь. Приезжают же разные, шарюют в них, всё ищут, ищут чавой-то, вот двери и посломали.

«Как сказала-то беззлобно! Спросить о чём-либо?»

– Бабушка Настя, а разве вам не страшно, когда приезжают такие... искатели?

– А чего бояться-то? Что у нас грабить? Раз пришли ко мне, стали деньги искать, а я и говорю: да что ж вы ищите? Пенсию мою дочка на карточку получать, за неё продукты мне из городу привозить, вот и нетути у меня денег. И не ищите их, не старайтесь. Так ничаво... повернулись и ушли.

– Ну ладно, баба Настя, – Данила сунул телефон в карман куртки, – я поеду за батей, а ты покажи... – кивнул на меня, – моей коллеге дом, в который она могла бы войти, посмотреть, что там... как там, я-то уже насмотрелся.

– Да пусть идёт во-он в тот, – кивнула на обнесённый почти рухнувшим забором: – Там Хабаровы жили. Стариуки-то недавно померли, а молодые уже давно по городам разъехались.

По полёгшей бурой траве я пошла к тому дому, – «Еще крепкий какой... и даже красивый», – обошла провисший забор, через висящую на одной петле калитку вошла во двор и на меня меж когда-то голубых резных наличников глянуло распахнутое окно с еще целыми стёклами, – «Словно приглашает во внутрь заглянуть.» – но пока осмотрелась. У сарайчика – два улья без крыш, рядом – бочка, опоясанная лыком, к углу хаты доверчиво прильнувшая собачья будка. Подошла к перекошенной распахнутой входной двери, – «Боязно заходить во внутрь.» – но переступила сломанную ступеньку и за провалом тёмного коридорчика три окна лучами солнца высветили диван и кресло со вспоротой обивкой. – «Наверное, налётчики в них деньги искали.» – на полу – ворохи одежды, детское розовое платьице, чёрная юбка, полосатая рубашка. – «А ведь когда-то всё это носилось, кого-то согревало.» – Перешагнула

через куртку с беспомощно раскинутыми рукавами, подошла к столу. С краю бледно синела выцветшая тетрадка, – «... ученика 4-го класса Хабарова Саши» – из-под неё выглядывал зелёный краешек обложки книги, – «Виталий Бианки. Лесные домишки.» – рядом выпотрошенной внутренностью и оборванными проводками темнел приёмник, – «Ведь его слушали, из него песни неслись.» – над ним на стене висела выцветшая фотография военного с ромбиками в петлице, смотрящего с немим вопросом, – «Словно спрашивает: чего ж меня-то здесь оставили?»

А почти посреди хаты по-хозяйски возвышалась большая русская печка с посеребрившими боками, услужливо подставлявшая свои печурки, – «Ну давайте мне ваши мокрые варежки!», – вокруг неё со стен свисали местами содранные обои с уже непонятными рисунками, – «И под ними деньги искали? – а над моей головой – ошетилившаяся доска проломанного потолка. «Как же тоскливо стало от всего этого!» И я вышла. Путаясь в траве, пошла вдоль улицы, приостанавливаясь напротив других домов и на одном из них увидела выцветшую табличку с надписью: «Здесь живёт заслуженный колхозник...», но фамилия почему-то была соскоблена, а на другом – потускневшую красную звезду, – «Наверное, ветеран войны там жил. Ну да, баба Настя говорила, что ушли на фронт семнадцать мужиков, а возвратились только двое». И теперь эти покинутые пустые дома, потемневшие «ликом», молча смотрели на меня и их «взгляды» казались немим упрёком. «А ведь когда-то в таких же жили и мои предки. Но что осталось во мне от их жизни? Ни-че-го. Жалею ли об этом? Да, конечно...» И тут услышала длинный сигнал машины, – «Данила приехал. Надо возвращаться».

И было продолжение этого удивительного дня на крыльце дома с отцом Данилы Алексеем, с бабой Настей и её подругой Матрёной, с лохматым черным псом по имени Шарик, сразу признавшим меня «своей», белой козой Нюркой, пощипывающей чуть пробившуюся травку в окружении нескольких безымянных рыжих куриц и пёстро-красавца-петуха. И были еще вкуснейшие жареные сморчками, только что принесенными из лесу и чай, заваренный чабрецом. А вокруг нас торжествовала весна и молодые берёзки по одной или стайками наступали на покинутую деревню, пробирались в её огороды, дворы. «Так вот почему Данила назвал весну нахальной! Да, именно в такие весенние дни торжествующего обновления природы более всего заметно, как берёзы наступают на покинутую деревню. И есть в этом нечто тревожащее и даже мистическое, ведь совсем скоро укроют они собою всё домики. Грустно. Но что делать? Жизнь продолжается».

Уже в сумерках ехала я автобусом в свой «серокаменный город». Впереди, прямо над трассой, висела огромная луна, за окном то и дело проплывали размытые пятна фонарей и световые блики словно высвечивали недавно прожитые часы: «Какой же длинный, но наполненный день прожила я сегодня благодаря Даниле, еще не утратившему самого сокровенного, – родства с родным гнездом, – его отцу, не принявшему „тесных клеток“ города и двум старушкам, оставшимся верными деревне.» И, может, еще потому этот день согревал мою душу, что не услышала я от них жалоб на кого-либо или на свою участь, которые так часты от моих соседей, живущих в своих «серых», но тёплых и защищенных «клетках», и своё прожитое воспринимали эти трое как данность, как простое продолжение их деревенской жизни.

И виделось мне: я приезжаю в Бобрино, селюсь в ту самую хату Хабаровых, понемногу привожу её в порядок и по утрам, когда выхожу во двор, то из когда-то покинутой будки мне навстречу, радостно виляя хвостом, выбегает мой квартирный пёс Том... «Но стоп. Не будет такого. Слишком „урбанизирован“ мой муж, дети, ведь они – уже третье поколение, оторванное от земли. Да и сама напрочь приросла к городу своей профессией.» А передо мною в туесочке из бересты, подаренном Алексеем, из пушистого тёмно-зелёного мха светло улыбались три лохматых голубых бобрика, отчего в душе трепетало чувство... нет, вопрос: вот же, вот... как

мало надо этим цветкам, чтобы быть прекрасными, – совершенными! – так почему же мы, люди, всё ищем и ищем счастье в комфорте, теряя при этом нечто истинное, – кровное родство с Природой.

БУНТ

Всё, всё – к чёрту. Хватит! (Он только что проснулся) Не буду больше... как в песне: «Всё опять повторится с начала»*, а стану с сегодняшнего дня жить так, как вчера психолог по телевизору советовал. (Несколько раз открыл, закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул.) Как там у него? Чтобы самоутвердиться, перво-наперво надо начать делать то, что нравится. (Рядом возникла пёсья морда, пуговками глаз уставилась на него.) Ну, чего тебе? (Собака тряснула головой.) Отстань! Не пойду с тобой сегодня, не пой-ду! Делаю только то, что хочу. (Пёс положил голову на краешек подушки, лизнул в щёку.) Отцепись! Иди к хозяйке... (Голова исчезла) Ну, вот и молодец.

– Милый, – тут же донеслось: – собака волнуется, вставай, иди...

Да не встану я, не встану! Буду лежать столько, сколько захочу, а потом...

– Милый, ты что? Еще спишь или оглох?

Ну ладно, собаку выведу, но больше... (Встал, натянул джинсы, свитер.) А дальше делаю только то, что...

...(Возвратившись, у порога столкнулся с женой):

– Дорогой, завтрак сам себе сообрази, а то я до работы хочу на ногти успеть... Ну и что, что недавно? То был желтый маникюр, а теперь синий в крапинку модный... как у Альки.

Видите ли, она – «на ногти»!.. а я «завтрак – сам-себе!» (Передразнил, взглянув в настенное зеркало.) А, впрочем... Вот и хорошо, буду сегодня есть только то, что захочу. (Погладил ладонью живот.) надоели её овсянки, гречки, салаты, у меня от них уже кишки зелёными стали. Сейчас пойду, куплю грудинки, сала, краюху хлеба горчицы и-и... (Глянул на собаку, завилявшую хвостом.) Хорошо, хорошо, а тебе – сосисок и-и... (Брыкнул подвернувшийся под ноги женин тапок.) И на работу не пойду, отгул возьму. «Сколько продали? (Передразнил начальника.) «Сколько осталось?.. Завтра завезёте еще одну партию...» Надоело! Видеть не могу своего... (Взял мобильник.)

– Иван Петрович, разрешите я отгул возьму?.. Да нет, ничего не случилось, просто хочу отдохнуть... Подумаете? Ну хорошо, я буду ждать вашего...

А сейчас – в магазин...

...Как же здорово вот так сидеть и есть то, что... а то: «Милый, а вот и овсяночка с орехами... гречка с изюмом...» Да не хочу я твоей овсянки, гречки и никогда больше не... (Зазвонил мобильник.)

– Да, Иван Петрович... Да, да... Нет... ага... да... Нельзя?.. Ну, если по зарез... К двум? Хорошо, буду к двум.

Ну вот... И делай тут только то, что... (Пёс опёрся лапами о колено, сочувственно заглянул в глаза.) Да понимаешь, собака, у нас, у людей всё не так... (Очистил сосиску, поднёс к её носу.) Вот ты сейчас слопаешь её, и больше тебе ничего не надо, а нам... а мы... (Отрезал хлеба, намазал горчицей.) А нам всё чего-то надо, надо, надо, надо... (Положил на хлеб ломтик сала, откусил, пожевал, задумался.) Знаешь, псина, последнее время часто кажется... (Снова забренчал мобильник)

– Да, мам... Да нет, я не на работе, у меня отгул... А тебе от этого почему хорошо?.. А-а, надо чтобы отвёз в магазин... Мам, у твоей соседки семья большая, посуды много, а тебе зачем посудомоечная машина, ты же одна живёшь... Да нет, я к тому, что лучше бы зубы вставила... Да нет... нет... ага... Ну-у если... Да ладно, не обижайся... А когда?.. Прямо сейчас. А, может... И всё же, может, не нужна тебе посуда... (Поднял глаза к потолку, глубоко вдохнул, выдохнул.) Ну, хорошо, хорошо, через полчаса подъеду, собирайся.

Твою дивизию!.. Вот тут и делай только то, что хочется.

...(Он идёт по двору к машине) Вот интересно, ну почему мы вечно цепляемся друг к другу, портим нервы... (Под ноги упала пластмассовая бутылка, поднял голову к балконам, отыскивая глазами её «хозяйина», но... поддал ногой и та, отлетев на пару метров, закрутилась волчком.) И заставляем крутиться и себя... как эта бутылка, и тех, кто рядом. Но ради чего? (Подошёл к машине, вынул из кармана ключи.) Ладно, прочь всё нерешенные вопросы! Сегодня живу только тем, что... (Услышал оклик, оглянулся.)

– А-а, ты... Привет!.. Да вроде бы всё окей, а как у тебя?.. Куда-куда идешь?.. А зачем тебе мотоцикл, у тебя же машина... Ну-у... по мне так это – блажь, скорость можно ощутить и на машине, если... Нет, не могу я с тобой поехать и посмотреть... Да к матери надо... Рядом? Ну если рядом и быстро, то... (Махнул рукой.) Ладно, садись в мою, поехали.

...(Теперь идёт вдоль стеллажей, заставленных, электрообогревателями.) И зачем Иван Петрович заказал партию новых, ведь вот же... хорошие обогреватели, а он... (Передразнил.) «Новая марка. Может, больше покупать станут.» Всё ему мало, мало, нет, чтобы... (Зазвонил мобильник):

– Да, дорогая... Планшет? У тебя же компьютер есть, зачем тебе планшет?.. Но ты же не едешь по командировкам, как твоя Алька... Нет, не нужен он тебе... Да мало ли что он «такой хорошенький»! Ведь есть еще здравый смысл, который подсказывает... Что ты сказала?.. Ну, даёшь... (Опустил руку с мобильником.) Отключилась. Вот и хорошо, пусть переночует у мамочки. Пусть поплачет, пожалуется на меня... похоже, что у неё такое хобби, как что – к мамочке ночевать. (Вышел на улицу из офиса, взглянул на небо, раскинул руки.) Всё. На сегодня свободен! Теперь только – к любимому и любимое. Сейчас зайду в магазин, куплю к грудинке и салу водки и устройу себе праздник! (Сел в машину, включил музыку.) Вперёд! К своему самоутверждению! (Сделал громче, но через минуту выключил.) Правда... зачем, для чего утверждаться?

...(Пёс встретил распростёртыми лапами и хвостом, который норовил оторваться.) Ах ты мой дружок, ах ты мой единственный и неповторимый, сейчас мы с тобой... (Протянул ему пакет, тот взял и понёс на кухню.) Осторожней, там стекло! (Прокричал уже из ванной, вытирая руки.) Ну вот, а теперь... (Собака, словно извиняясь, завиляла всем корпусом) Ну что ты опять пристаёшь?.. Ладно, пошли. (Пёс радостно запрыгал.) Но учти, это – последнее, что делаю сегодня... без любви.

...(Сидит за журнальным столиком, на котором тарелка с грудинкой и салом, бутылка.) Ну вот, дружок, сейчас мы с тобой... но вначале... (Наклонился, снял носки, потёр руки.) Отдохните, мои натруженные ножки. Ой, хорошо-то как! (Налил в стаканы водки.) Слушай, пёс, давай-ка с тобой чокнемся! Держи свой. (Поставил стаканчик на пол. Пёс нюхнул, отвернулся.) Не хочешь. (Выпил, бросил в рот кусочек грудинки.) Значит, не нравится тебе водка. Значит, ешь и делаешь только то, что... Ну и молодец. А вот я... а вот мы, люди... (Взял с пола стакан.) За твоё здоровье, представитель флоры! (Выпил. Собака трянула головой, уставилась на него.) Да не бойся ты, лохматый, всё будет тип-топ. (Медленно встал, включил телевизор.) О, бушмены в луже что-то ищут... Нашли. И что? Лягушку. Да здоровенную какую! Радуются. И что с ней будут делать?.. Ладно, пока думают, давай-ка с тобой еще... (Пёс переступил лапами и проурчал что-то своё.) Ты опять? Я же сказал тебе: всё будет нормально, просто сегодня я что-то... (Выпил. Взглянул на экран, засмеялся.) Ой, они её в котёл бросили! Варят, а их размалёванные бабы вокруг костра танцуют. Ну народ... Смотри, собака, смотри, какие они почти голые, но какие счастливые! (Загрустил. Почесал пса за ухом.) Представляешь, псина, нашарили в луже лягушку, сварили, съели, потанцевали и-и спать... счастливыми, а мы тут!.. (Опустил голову, пьяновато хихикнул, помолчал.) Жадные мы, ненасытные мы и всё хотим чего-то, хотим, хотим... (Снова хихикнул.) А зачем? Ты думаешь... (Кивнул на телевизор.) Ты думаешь мы счастливее их со всеми этими электроприборами, посудомойками, маникюрными, мотоциклами? (Постучал по голове.) А всё из-за него, из-за мозга, которого у нас...

(Постучал и по голове собаки.) поболе, чем у тебя. Но опять же, зачем он, не подскажешь? (Пёс тряхнул ушами.) Нет, не подскажешь. Ну, тогда давай-ка дыхнём осеннего воздуха... (Встал, подошел к балконной двери, открыл.) Тихо-то как здесь, уютно-то как здесь... темно здесь...

Он глубоко вдохнул свежий осенний воздух, сел в раскладное креслице, вытянул ноги. Собака тут же легла и положила на них морду. Желтизной светились неморгающе-безразличные глаза окон, с трассы напряжённо-глухо долетали шорохи пронесившихся машин, визг набирающего скорость троллейбуса, над девятиэтажкой светилась почти одинокая Венера. Тепло пса согревало босые ноги, поднималось и выше, – к сердцу. Закрыв глаза и в полудрёме слайдами замелькал прожитый день: мать с беззубой счастливой улыбкой, голые бушмены, трясущие жёлтой лягушкой, от которой почему-то уже поднимался пар, приятель, несущийся на красном мотоцикле прямо над капотами мчащихся машин, танцующие бушмихи с раскрашенными лицами и длинными синими ногтями в крапинку... опять бушмены, но уже обсасывающие лягушачьи косточки и бросающие их в услужливо подворачивающуюся посудомоечную машину...

Он открыл глаза. Пса не было. Ноги озябли. Венера стала еще ярче и словно высветила фразу, с которой обычно он начинал свой день: «Всё опять повторится сначала».

В ЛУЧЕ СВЕТА

Вначале шторы балконной двери начали вспархивать, словно собираясь взлететь, потом выстрелом грянула захлопнувшаяся створка кухонного окна, а по его спине прополз ветерок, запахло весенней свежестью распускающихся во дворе деревьев. Он перестал стучать по клавиатуре, распрямился: -Наверное, дождь будет. – Потянулся. – Закрывать что ли балконное окно? – Но снова сел к компьютеру. – Ладно, подожду. – В небе предупреждающе гроыхнуло. – Блин! Надо всё же закрыть, а то... – Встал, вышел на балкон, высунулся в окошко, глубоко вдохнул посвежевший воздух, взглянул на небо. – Ну и ну! Туча-то какая синяя надвигается! Быть грозе, непременно быть. – Прикрыл створки и тут же небо отозвалось грохотом уже близкого удара. – Ну давай, давай, длиннобородый повелитель дождя и гроз Адад*... кажется так в Месопотамии тебя называли? Ну да, еще и быком изображали. – Расправил спину.

– Давай, пролетай надо мной, бычина! Авось за собой увлечёшь, и я ... – Усмехнулся: – А что – я?.. Да ничего я. Как идиот сижу за компьютером, глотаю всё, что подворачивается... прыгаю, как кенгуру с одного на другое, отвечаю на дурацкие вопросы, сам задаю такие же, а в голове... – Постучал по лбу: – Пустота! Как в пробирке Торричелли*. – Снова гроыхнуло, блеснуло: – А чего ты грозишься, Адад? – Открыл створки. – Что я тебе плохого сделал, шумерская образина? – По крыше балкона застучали капли дождя, он резко захлопнул створки, опустил щеколду. – А-а, ну тебя! – Шагнул в потемневшую комнату, прошёл на кухню, плюхнул чайник на плиту, почти пропел: – Чай-ку-что-ли-ис-пить? – Зажёл горелку. – А-по-жалуй-что-ис-пью. – Крупные капли распластались на стекле окна, не спеша поползли вниз. Он уставился на них, присел на табуретку, зажал голову меж ладоней. – Ну что, дети стихий и космоса, летели-летели в небесах, веселились, сверкали и прилетели... Были каплями, а стали кляксами. – Криво усмехнулся. – Так-то и я... Клякса, бесформенная клякса... – Зазвонил мобильник. – Да, слушаю... А-а, это ты... Ну и что?.. А зачем мне это?.. Ага... да... нет... нет... Слушай, может как-нибудь – в дугой раз?.. Да не хочу сейчас об этом, не хочу! И вообще, не длячево мне этот новый инфоресурс, не длячево!.. Ладно, не обижайся... Ну, как хочешь. Всё так всё. – Бросил мобильник на стол. – Тоже мне... хрен всезнающий, обрадовался еще одному ресурсу. А ведь все они... – Погрозил пальцем смартфону. – Все-е вы распыляете мою душу, да и самого разрываете на части, набивая голову всякой ненужной информацией, названиями, картинками... – Резко встал, картинно воздел руки к потолку. – Господи, я потерял себя! Где я среди всего этого... где я сам? – Бессильно опустил. – Нет меня. Кляксой стал. Жалкой смешной кляксой. – Засвистел чайник. – И ты, Брут*... свистишь надо мной? – Схватил за ручку, но отдернул свою: – Зараза! Чуть не обжёг. – Выключил газ, сыпанул в чашку заварку. – Ладно. Прости. – Нейтрализовал ручку чайника полотенцем, залил кипяток в чашку, накрыл крышкой, прошел в зал, включил бра, сел на диван, ткнул себя пальцем в грудь. – Ну что ты злишься направо-налево? Выходит, все у тебя виноваты, кроме самого себя, да? Значит, все... – Комната осветилась ярким светом, тут же оглушительно гроыхнуло и бра погасло. – Ну и ну... Вот это удар! Прямо над головой. Даже свет выбило. И что теперь? – Подошел к компьютеру. – Закрыв свой глаз, мой ненаглядный? – Хихикнул. – Ну и хрен с тобой. Баба с возу, коню легче. – Прошел к окну. В доме напротив тоскливо мрачнели неосвещенные окна. – А чего мне легче-то? Что я... как теперь?.. без него? Ведь если выбило свет, то может и на весь вечер. – Сел в кресло. – Совсем темно стало. – На колени вспрыгнул кот, головой потёрся о его живот. – Ну, что тебе, мой гипоаллергенный тайский кошака? Ты же, прирученный представитель фауны, в темноте еще и лучше видишь, чем я, венец творения, а посему... – Погладил его. – Может подскажешь, где мой фонарь? – Кот, мурлыча, стал поудобнее устраиваться на коленях. – Нет, дружок, подожди, мне фонарь найти надо. – Встал, переселил кота на диван. – Помнится, я вон туда его положил... – Открыл ящик под книжной полкой: – Ага,

есть. – Включил. Луч света выхватил содержимое ящика. – Ого! Ерунды-то всякой сколько! И что в этом большом конверте? – Заглянул в него. – Фотографии. А еще что?.. к чему уже сто лет рука не прикасалась? Коробки с чем-то, шарик розовый. – Взял его, повертел в руках: – Так это ж... – Заглянул в глазок шарика: – Так это ж я... маленький... в детском садике. – Заулыбался. – Смешной какой! Серьезный какой! – Положил его в ящик. – Ладно, как-нибудь посмотрю и другие фотки, а пока... – Встал, лучом фонаря обвёл комнату. – Чем бы заняться? Читать?.. Нет, при свете-то не читаю из-за этого... – Кивнул на компьютер. – а тут – под лучом?.. – Сел на диван, стал высвечивать то, что висело на противоположной стене. – А хорош «Снежный день»! Кажется, так Толя назвал эту свою картину? Отличный пейзаж, и особенно вот так, в луче фонаря. Прямо ожил! Снег засветился, а деревья... – Помолчал, усмехнулся грустно. – Да и всё, что он писал было здорово... ностальгически здорово, в душе начинало что-то трепыхаться, тревожить... – Выключил фонарь. – Хотя иной раз и думаешь, и для чего нужно это самое трепыхание, что даёт, кроме грусти да тоски? – Включил фонарь. – И всё-таки жаль, что Толька спился и... жаль, не хватает мне его. – Луч резко метнулся в сторону, остановился на полке с фигурками из глины. – Во... А того смешного старичка с дудкой я купил на ярмарке и даже пацана того помню... Саньку, стоял в кепке набекрень с длинным козырьком, из-под которого залихватски выбивался светлый чуб, и смотрел на меня так, что не купить у него этого старичка было как-то... Еще я спросил, откуда, мол, ты?.. а он взглянул на меня де-ерзко так и ответил: «Да Вы туда все равно не поедете, дороги к нам нету.» Паршивец... Но я как-то поехал... буксовал-буксовал в лужах, но нашёл этого творца. – Улыбнулся тепло. – И оказалось, что артель он собрал из таких же, как сам, и лепят они на продажу свистульки из глины... как этот петух, курица. Скупил у них всё, что было и отвёз в свою школу... только этих себе оставил. – Луч метнулся на полку выше. – А там что?.. А-а, слонёнок сандаловый... из Индии. – Свет скользнул, застыл кругом на потолке. – Что за поездка была!.. – Взглянул на обозначившийся круг: – А, впрочем, всё в ней было. И красота, и... – Махнул рукой. – И нищеты в этой Индии!.. Как раз с этим слонёнком за мной гнался тощий индус и всё протягивал его мне, протягивал, бормоча что-то... – Круг на потолке сузился, прыгнул в сторону и выхватил икону: – Да-а, как же редко останавливаюсь напротив неё! – Помолчал, вздохнул. – Батя подарил... А купил он её на базаре в начале девяностых и не раз потом рассказывал, как стояла, мол, бабка, продавала какие-то овощи, а в руках её держала. Подошёл к ней, спросил: чего с иконой стоите? А она посмотрела на него и говорит: «Может, купишь? Я вижу, ты добрый человек.» Из-за того батя так часто и вспоминал её, что она перекрестила икону, перекрестилась сама, подала ему, а на глазах слезы мелькнули. – Вздохнул: – Да-а, времечко тогда было еще то, всё распродавали, чтоб выжить... – Встал, шагнул к окну. – А бык-то Адад угомонился, почти не слышно его, но дождевой шлейф оставил. И, наверное надолго, вон как по стёклам капли бьют. – Шагнул, к креслу. – Ну что, посмотреть фотографии? Обещал же им. – Снова взял конверт, вытряхнул их на колени, положил фонарь на подлокотник, в его луче взял одну из них: – Колян, друг мой армейский закадычный по прозвищу Рюкзак... Интересно, и почему во взводе обязательно давали клички и быть без них даже как-то неудобным считалось... значит, всем просто неинтересен. – Поставил фотографию на полку. – Помню, как однажды на ночных стрельбищах... А дело было в поле и видели мы только подсвеченные мишени, небо в звёздах... а слышали то и дело звуки выстрелов из спаренного пулемета, хлопки из вкладных стволов. И ужинали там же, в поле под запах зелени, перемешанный с пороховым дымком. Здорово было! – Вздохнул, протасовал несколько фотографий. – А вот и моя первая любовь... Зиночка. Какая же девчонка была красивая и заводная! Смелее всех ребят. Они боялись с крутого берега Дона прыгать, а она... Как разбежится и-и в воду! И ждешь, когда её голова покажется. – Поставил фотографию рядом с Коляном. – И где она теперь, что с ней? Тогда уехал я учиться в Москву, она осталась, а потом не к кому стало ездить... – Усмехнулся грустно. – А если б... то может и... – Посидел, улыбнулся, вздохнул, взял еще одну. – Моё босоное дет-

ство. В деревне. Какая ж была счастливая пора! Речка, рыбалка... босые ноги в теплой вечерней пыли, бредущие из стада коровы, запах парного молока, бабкины всегда тёплые руки... А дед... мой всеумудрый дед! Ведь возле него всегда было... как возле костра, который не только согревает, но и подталкивает к раздумью. – Помолчал, вглядываясь в фотографию. – А потому и оставался он таким, что не было тогда телевизоров, компьютеров. И сохранил в себе свой стержень, не разбрасывал его по всему миру... как я, не наполнял себя ненужной хреновнёй, а просто жил, передавал детям и внукам то, что накопили его предки. – Поставил фотографию рядом с Зинкой. – А еще любил он чай пить... с травками ароматными да со своим медком... – Вдруг хлопнул ладонью по колену: – Ведь и у меня там чай... остыл поди. – Встал, луч заметался по комнате, нащупал пол, пополз на кухню, высветил стол, уперся в чашку чая. – Ну конечно остыл. Ладно, сейчас разогреем. – Сунул чашку в микроволновку, потом прошёл с ней в зал, сел в кресло, отпил несколько глотков. – Хорошо-то как... – На колени снова вспрыгнул кот, стал сворачиваться клубком. – Тишина... дождик шумит... да ты, мой флэтовый кошака мурлычешь. – Погладил его, взглянул на фотокарточки. – А еще сейчас со мной рядом пацан Санька, Толька-художник, Колян-Рюкзак, Зинка, дед с бабкой... – Луч метнулся к остальным фотокарточкам. – А ведь там и еще есть... вся моя молодость... но как же я к ней... по-свински... – Чашка в руке дрогнула, поставил её на подлокотник – И это из-за него, из-за этого одноглазого паразита! Всё свободное время забирает... поглощает, проглатывает. Вот изобретеньице на нашу голову свалилось! Магнит, гипнотизёр. Наверное, прав этот психоаналитик... как его? – Махнул рукой. – Забыл. Прав, что когда мы сидим в компьютере или смартфоне, то мозг наш становится только потребителем, который сам чего-то придумать уже не может. И что с нами будет? Станем послушными биологическими роботами? – Взял чашку, сделал глоток. – И самое страшное, что без него уже... как без рук. – Еще глоток. – Да нет, в нём много и нужного, но... – Вдруг бра весело вспыхнуло. – А вот и свет. Да будет свет! Да будет... – Засмеялся. – и мой комп! – Подошёл к нему, включил. – Ну что, дождался своего часа, циничный месмерист*? И на чём мы с тобой?..

Экран засветился, вскинул серо-зелёные ресницы, открыл черный глаз, мигнул белым квадратным зрачком, подморгнул радужным, уставился на него синим оком. Он мышкой кликнул свой аккаунт, тот открыл квадратный рот и безголосо спросил: «Что у вас нового?»

ДВОЕ В КУПЕ

Нечаянные встречи. Они случаются в парках, скверах, автобусах, поездах и почему-то люди именно тогда вдруг раскрываются наболевшим, словно надеясь, что дотолле незнакомый человек унесёт с собой ту самую боль. А для меня подобные встречи – повод «нарисовать» еще один портрет для «альбома» своей памяти.

Две мои соседки, с которыми я проехала всего две остановки, начали суетиться, готовясь к скорому выходу, доставать чемоданы и в купе стало тесновато, я вышла в коридор. За окном, резко очерченные уже низким солнцем, медленно наплывали строения вокзала, потом по вагону прошла дрожь, он остановился и уже бывшие попутчицы, кивнув на прощанье, заспешили к выходу.

«И кто займет их места? Ах, лучше бы никто».

К моей радости так и случилось, и мы остались с ней вдвоём. С Полиной, о которой и хочу рассказать.

Вначале она по-прежнему молчала, глядя в окно на ярко раскрашенный осенью и мельтешащий березняк, потом вынула из сумочки ручку, какие-то листки, стала в них вчитываться, что-то поправлять и я не стала её отвлекать разговором, хотя...

«Ведь неплохо было бы наконец познакомиться, но, если не хочет... Буду копаться в смартфоне».

Так и сидели с час, изредка поглядывая в окно, пока красный полукруг солнца мелькал над ярко-оранжевым березняком, но я, исподтишка поглядывая на мою молчаливую попутчицу, уже рисовала её словесный портрет: да, седина в волосах уже весьма заметна, хотя лет ей... пожалуй лет под пятьдесят... лицо симпатичное, что-то есть похожее на мою любимую актрису Анни Жирардо... но излишне бледноватое... а морщинки – только на кончиках губ и глаз... замужем ли?... кольца на руке нет... не интроверт, вся – в себе, так что заговорит ли?... А когда кондуктор принесла чай, она вынула из сумки два яйца, кусочек сыра, пачку печений, два яблока, и я услышала:

– Может, присоединитесь к моему столу?

И улыбнулась так зовуще-трогательно!

«Кажется, она приглашает меня не к столу, а к беседе.»

И, тихо обрадовавшись этому, тоже выложила на стол свои припасы, присовокупив к ним:

– Как говорит пословица, беседа дорогу коротает, а песня – работу. Не так ли... – И осторожно улыбнувшись, прибавила: – моя Незнакомка?

Нет, то не был упрёк за её молчание, а намёк на знакомство. А еще подобным «шагом» я проверяю людей на чувство юмора, которое всегда желательно в собеседнике.

И она, задержав на мне взгляд темно-карих глаз, развела руками:

– Ну, за неимением работы петь не будем, но дорогу коротать в беседе... – И коротко улыбнувшись, добавила: – Как говорит еще одна пословица... – протянула мне яйцо: – без обеда не красна беседа.

Я чуть удивлённо взглянула на неё, а она помолчала, улыбнулась чуть виновато и, опустив глаза, жестом пригласила к столу:

– Давайте-ка познакомимся, поедим, испьём чайку, а там... – И почти прошептала: – А там дело будет видно.

«Однако любопытная особа... с этим её знанием поговорок и редким словечком «испьём.»

А тем временем Полина стала очищать яйцо, нарезать сыр, потом кивнула на мой огурец:

– Может и его... – дважды притронулась лезвием ножа к краю.

– Ну, конечно, конечно, – оживилась я: – Сойдёт вместо салата.

«Итак, знакомство состоялось. Но чем бы подтолкнуть её к разговору?»

В подобных ситуациях такой вопрос называю «Поиском темы» или тем, что может дополнить уже поспешными штрихами нарисованный портрет. Но она молча, и как-то уж очень сосредоточенно ужинала, изредка поглядывая в окно. Мне стало неудобно прерывать её сосредоточенность, но, не теряя надежды на «есть что сказать», тоже стала очищать яйцо.

А за окном осень всё так же демонстрировала свои наряды, только вместо ярко оранжевой листвы на берёзах, замелькала медь стволов сосен, которые в закатных лучах золотисто поблёскивали, а их темно-зелёные игольчатые ветки стали ярче на фоне густеющей синевы неба. И казалось, что эта синева проникает не только в то, что металось и проплывало, но и в наше купе, наполнив его чем-то невидимым, но тревожащим душу.

«Странно. Как же гармонично сочетается то, что вижу! И это небо, и проносящиеся за окном сосны... столик с ужином, чай в подстаканниках. Интересно, чувствует ли такое же Полина?».

Нет, она, поглядывая на законное шоу и покусывая печеник, уже молча допивала чай, потом прибрала со стола, облокотилась на него, посмотрела на меня, улыбнулась чуть смущенно:

– Ну, а теперь чуток сосну...

– Да, конечно, – живо откликнулась я: – А я попасусь в смартфоне, ведь еще рано ложиться спать.

«Вот тебе бабушка и юрьев день. Ждала, что разговорится, а она...»

А она развернула матрац, накинула на него одеяло, легла и отвернулась к стене.

Прошло минут пятнадцать. И тут какой-то парень открыл дверь, заглянул в купе, извинился, громко её захлопнул. Полина встрепенулась, села.

«Наверно, не спала. С ней то же, что и со мной. Когда слишком устаю, не заснуть».

Но услышала:

– Как хорошо! – слегка расправила плечи: – У меня хорошая способность. Когда устаю, могу засыпать минут на пять-десять и после этого... как новенькая.

– Ваша способность не только хороша, но и счастливая, – обрадовалась я «теме» к вроде бы завязывающейся беседе.

Но она отвернулась к окну, помолчала, потом посмотрела на меня чуть вопросительно:

– Вы, наверно, думали, что я нелюдимка, эдакая бука, да?.. Да нет, не отпирайтесь, я же всё время молчала. (И снова – пауза.) Просто предыдущую ночь почти не спала, вот и...

И с этих слов начался её монолог... почти монолог, в который я иногда, боясь спугнуть неуместным словом, вставляла лишь короткие вопросы.

– А еду я от детей... навещала их. Живут теперь в Москве, а я... – Улыбнулась чуть виновато: – А я не хочу к ним переезжать, хотя и настаивают. Зачем мешать? У них свои семьи, свои заботы. Да потом мне и в родном городе уютно, он тихий, есть друзья, муж рядом... – И заметив мой удивлённый взгляд, усмехнулась: – Нет, Вы не так поняли. Николай умер пять лет назад... кладбище рядом, и я ездила к детям на годовщину его смерти. – Локтями оперлась на столик, опустила глаза: – И знаете... – Пальцами потёрла вески: – Лучше бы не ездила. Лучше бы – одна, в себе... с собой... – Помолчала, и в потемневших глазах вспыхнуло смятение: – Понимаете, в чём дело. Дети были привязаны к нему и всё ему прощали... – Покачала головой: – Нет, не то я... Николаю почти нечего было прощать... на их взгляд, а я... а мне... – И снова – пауза: – Он архитектором был, много работал, не пил, не курил, но знаете... – Грустно посмотрела мне в глаза, усмехнулась: – Иной раз думалось: ах, лучше бы не таким был... – Пошевелила пальцами, словно что-то нащупывая: – Не таким положительным что ли? А тут еще его вечное недовольство тем, что делал. Ведь мечталось ему, что будут возводить краси-

вые здания, а в нашем городе это было никому не нужно, тогда строили обычные жилые дома. И он мучился этим... хоть и скрывал своё раздражение от меня. Но я-то всё видела! Видела, а помочь ничем не могла... – Отвернулась, взглядом уперлась в зашторенное окно: – В общем скучно мне с ним жилось. – Помолчала, обернулась ко мне: – А вот дели его любили и, может, потому, что не ругался на них. – Махнула рукой, странно улыбнулась: – Не ругался и внимания почти не обращал. Ясли, садик, потом уроки... как и во что одеть, обувь... Всё на мне лежало, хотя и сама работала. А когда пыталась ему объяснить, что, мол, устаю, что надо бы и ему с детьми что-то, как-то... то он твердил: «Я хорошо обеспечиваю семью. Управляйся с ними сама». – Кончики губ дернулись и мне показалось, что заплачет, но она лишь глубоко вздохнула: – И я привыкла управляться, а дети... и Настя, и Олег как-то не замечали этой его отстранённости. Будто так и надо, так и должно быть. А еще...

«Замолчала. Наверно, сомневается: рассказывать ли об этом „еще“?»

Меж тем за окном замелькали размытые пятна фонарей, поезд стал замедлять ход, и через минуту остановился. Полина резко встала, потянулась к куртке:

– Давайте-ка выйдем. Вроде бы здесь остановка минут десять.

И мы вышли. На перроне было почти пусто, лишь у соседнего вагона стояла шумная стайка подростков, они обнимались, прощались, гремела ритмичная музыка. Полина поморщилась, прикрыла ладонями уши, взглянула исподлобья:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.